

Великой Победе 65. Гостеприимный госпиталь.

Опубликовано пн, 23/08/2010 - 00:24 пользователем Гость (не проверено)

Днем и ночью в
больничных палатах
Побеждая страдания,
недуг Бьется гвардия
в белых халатах Друг
здоровья, бессмертия,
друг По утрам на
заре, на вечерних
закатах Им морозы,
пурга - не заслон
Слава гвардии в
белых халатах За
работу, ей низкий
поклон.

П. Хорошавин

В беседе с Вагановым В.Е., который при обороне Киева был тяжело ранен, вспоминая про госпиталь в Средней Азии, он отмечал изматывающую жару, что плохо сказывалось на его состоянии, человека с Урала. Глубокий тыл тогда был напичкан госпиталями. Если взять нашу округу, то в Каслях, Уфалее, Кыштыме, на Увильдах, у нас на Миндарке располагались госпиталя.

А теперь я хочу рассказать о работе госпиталя, что был основан на базе санатория "Сунгуль". В наш «райский уголок» - край озер, лесов, гор, где сосновый воздух, живописный вид и каждая травинка сопутствует выздоровлению, в 1941 г. эвакуировали госпиталь № 3780 из Полтавы. Конечно медперсоналу после "санаторных" сложно было переходить сразу на тяжелораненых, но очень слаженный и дружный коллектив быстро освоился: реконструировать ничего не пришлось, разве только в одной из палат разместили операционную. В цокольном этаже первого корпуса также остались грязелечебные ванны, светолечение, электролечение. Палаты светлые, теплые и уютные, на окнах цветы, рядом с топчанами тумбочка и стул, в палатах велась радиотрансляция. На берегу Силача

газогенератор крутил динамо-машину, которая давала ток посёлку, и от него работала старая баня (у лесопилки), в которой стиралось белье, обрабатывались и сушились бинты. На втором этаже первого корпуса в большой палате имелись раковины, туалет для “тяжёлых”, а ходячих разместили во втором корпусе.

Уже поправившиеся раненые, больные пользовались библиотекой, гуляли по посёлку. Бойцы общались с населением, в школах детям рассказывали о войне, даже вели военное дело, рисование. Много от них осталось картин и даже скульптур, помогали они, как могли и госпиталю, в основном среди раненых преобладали деревенские люди, а значит мастеровые и толковые мужики. В местном клубе, который располагался на втором этаже первого корпуса, над кухней, под руководством Жердаковой, творились чудеса. С кинопроектора показывали кинокартины, а во время смены части включался свет. Бывало, прерывали показ для прослушивания сводок информационного бюро и радио. А вот концерты – это отдельная тема. Самодеятельность была в посёлке взрослая и детская, руководил Нагорянский из Увильдов, а помогали в их организации учителя. Участвовали в спектаклях, сценках и раненые - больные, они играли роли, подыгрывали на музыкальных инструментах, рассказывали стихи, пели песни. Шефами были артисты Свердловского театра оперы. На концертах собиралось много народа, “тяжелых” вывозили в коридор, постоянные зрители – это дети с посёлка, складывалось такое впечатление, что они здесь ночуют.

Однажды даже ставилась пьеса по сценарию раненого больного о дезертире, высмеивали фашистов, Гитлера.

А теперь о танцах, которые проходили и под патефон, а в основном под баян массовика – затейника Тиссен. Сейчас вы, наверное, улыбнетесь, узнав о том, что рядовой состав танцевал с барышнями в тапочках и в кальсонах, в накинутом поверх халате, а офицерам долг позволял быть всегда в форме. Девчата замечали, что по праздникам бойцам давали наркомовские. Раненых больных кормили хорошо, продукты завозили с Каслей: овощи, соленья, зелень с комбината (Ближний Береговой). Бригада огородниц Дарьи Борцовой к 23 февраля давала ранние овощи, зелень была круглый год, огурцы забивали в бочки и хранили в Силаче подо льдом, даже выращивали арбузы. Бойцы выменивали продукты на курицу или часто просто отдавали детям.

Госпиталь был многонационален, вечерами звучали украинские, армянские и другие песни, а связующим звеном у них был переводчик Шванев, который знал много языков. Раненые выходили на берег Сунгуля, наблюдая, как с криками чайки ловят рыбу, любовались скальными берегами, а волны своими брызгами освежали их лица. От корпусов к озеру вёл широкий длинный лестничный марш, где выходил в озеро деревянный пирс, здесь же, по берегу, располагались две купальни: мужская и женская, вышка для прыжков в воду. Окружали всё это парковые скульптуры.

К концу существования госпиталя всего этого не стало, всё ушло на дрова, ведь сотрудники

заготавливали дрова сами: пилили сырую древесину, смачивая керосином пилу. Конечно, не все бойцы выздоравливали, случались и смерти. Их хоронили на кладбище в Каслях с правой стороны от входа, ставя просто кресты. Как-то, по прошествии многих лет, одна из сотрудниц решила посетить эти захоронения, но от них ничего не осталось. На том месте стояли недавние надгробия. А если нет памятника – значит, нет памяти о них.

Муза Александровна Домнина – это и есть та сотрудница, которая сейчас живет в нашем городе и здравствует в окружении детей, внуков и правнуков. В 1931 г. их семья приехала на Миндарку, отец ее Наседкин А.Ф. работал лесником. Семейство принимало участие в строительстве курорта всесоюзного значения. Ставились в большей части деревянные бараки. До современного клуба “Химик” здесь тоже был деревянный корпус клуба с двумя фонтанами с обеих сторон. Возводились лечебные корпуса. Одними из первых руководителей курорта были: Морозкин И.И. – главный врач (который потом уехал в облздрав отдел), Канн – из репрессированных (он видел когда-то Гитлера), потом Статиров, Пилерман, Полерштейн – большие специалисты в своём деле.

Во время начала работы госпиталя мать Музы Александровны, Александра Алексеевна работала швеёю, и Муза вспоминает, что помогала ей перебирать верблюжью шерсть для набивания матрацев и подушек. А потом в сентябре 1941 года ее мобилизовали на Каслинский машинный завод на отливку мин. Благодаря Музе, написавшей письмо, и брату, благодаря которому письмо дошло до Сталина, мать в октябре 1943 вернули большой семье. И устроилась она подсобной рабочей на кухне, где работала официанткой в столовой её старшая дочь Нина. Отца забрали в 1941, и он не вернулся, пропал без вести в Карелии. До этого отец устроил Музу телефонисткой на коммутатор при пожарной части у Котлованов П.Е. Тут Статиров, начальник госпиталя, организует группу доставки раненых, в количестве 15 человек, в основном подростков 15-16 лет, куда вошла и Муза. Обучение было коротким и после недельного обучения группа сопровождения начала работу. Раненые прибывали в Маук на санитарном поезде, размещались в доме приезжих, функционировавшем от санатория. Затем их после сортировки готовили к дальнейшему переезду обозом. Одевали в тулупы, укрывали ватными одеялами, садили в короба с сеном. Долог был путь к выздоровлению, а начинался этот путь и лежал вдоль речки Маук, потом вдоль Вишнёвых гор до Еремихи, затем на полуостров Монашки (Сунгульский скит). Ну, а уж потом по озеру к госпиталю. Боязно было зимними ночами, когда волки сопровождали воем обоз, их отпугивали стучанием о железо и светом фонарей (летучая мышь). Первая стадия приёма раненых – это санпропускник, где их мыли, обрабатывали белье карболкой. Парикмахер Пономарева Г. или Бродягина стригли, брили. Когда прокинули Железнодорожную ветку от Маука до Каслей, то раненых транспортировали, летом по озерам на баркасе с мотором (нефтянке), а зимой – на лошадях. Так же доставлялась радоновая грязь (сапропель) с озера Светленького, а к концу 1943 года это была газогенераторная полуторка. На конном дворе Толмачев следил за лошадьми, упряжью, заготовкой фуража. Сено заготавливали сами за комбинатом (Ближний береговой).

Муза в те времена несла ответственность за руководство комсомольской организацией посёлка. И вот такой комсомольский, человеческий поступок совершила эта маленькая девушка, хотя в то время это было нормой для каждого. Как-то поступившему тяжелораненому Герману Титовичу при операции понадобилась кровь, 4 группа положительная, и на данный момент в посёлке такая группа была только у Музы, ей предложили – дать кровь, на что она без промедления согласилась. После выздоровления и перед отправкой на фронт он поинтересовался: «Кто же его спаситель?» Узнав, что это Муза, он обнял её и сказал, что у него из родных никого нет, и попросил Музу быть его сестрой. Через полгода Музе пришлось денежное содержание, на что она покупала маме хлеб и молоко и передавала ей на завод, откуда их не выпускали. Полтора года она получала переводы. В 1944 Герман погиб в

Германии, о чём пришло извещение (похоронка) на имя Музы. Случалось, что комиссованные подчистую бойцы оставались в посёлке и работали: Злотников Б.А. – кладовщиком в госпитале, Литвиненко И.В. – кладовщик в строительной мастерской, Тимофеев М. – подсобным рабочим. В то время на его родине шла война, все было разрушено, а близкие разъехались. Нагарникова Домна Сергеевна отыскивала его родственников, он посетил родину, но вернулся. В 1999 году он умер, и похоронен на старом кладбище города.

А теперь о Нагарниковой Д.С., 1908 года рождения, о ней мне поведала её дочь Августа Ивановна. Они приехали в посёлок в 1934 году. В санаторий “Сунгуль” Домна Сергеевна была назначена старшей медицинской сестрой. Перед этим было обучение в 1930 году в Свердловске в санаторной дружине от добровольного общества красного креста.

В 1935 году в г. Лысьва, повышение квалификации (рабфак). Работая в госпитале по совместительству, Нагарникова Д.С. исполняла должность заведующей аптеки, которая располагалась во 2-ом корпусе. Жила семья на улице Дачной (Парковая 3), а ещё были в 1940 – туберкулезный диспансер санатория “Увильды”, в 1941 – эвакогоспиталь № 3880 на Дальней даче – заведующая столовой, диетсестра, в 1942 – эвакогоспиталь № 3780 – начальник отдела вещевого снабжения, в 1944 – переезд с семьей и госпиталем на Украину. Домна Сергеевна везде, на всех должностях отмечалась трудолюбием, честностью, неподкупностью, верой в партию и правительство. Вернувшись на Урал и пожив в разных местах Каслинского района, попала опять в те же места, но уже на 21 площадку.

Вот ещё один маленький свидетель тех времен: Милютин Виктор Яковлевич, который попал сюда в 1937 году по вербовке со своей семьей. Отец его Яков Васильевич 1895 года рождения слыл специалистом по всем строительным профессиям: строил корпуса, дома, бараки. Начальник госпиталя даже отстоял его от призыва в армию, но ненадолго, он ушёл на фронт и

пропал без вести. Мать – Пелагея Сергеевна, 1896 года рождения, работала при госпитале посудомойкой, сестра Анна – в бухгалтерии. Сам Виктор работал в Артели, в сапожной мастерской, где с ним работали раненые больные Романенко, Тарасенко.

И вот в 1944 году состоялась передислокация госпиталя ближе к фронту, в Полтавскую область, город Кобеляки. Перевезли в Касли оборудование и желающих из персонала водным путём и по дороге – на погрузку в вагоны. В Кобеляках первоначально принимали наших солдат, потом обнесли территорию колючей проволокой, поставили охрану и вышки – здесь уже подлечивали пленных немцев для последующего этапирования. Начальником спец. госпиталя был Корнилов.

Возвращаясь к Сунгульскому периоду госпиталя, уточню: 1 корпус – лечебный (здесь же столовая, кухня, клуб), 2 корпус – спальный, 3 – административный. После отъезда госпиталя, корпуса, палаты, пристройки начали ремонтировать оставшиеся сотрудники, отмывать и готовить для последующего назначения. Все работники госпиталя № 3780 по окончании войны удостоились медали “За победу над Германией”. При беседе со свидетелями и работниками госпиталя упоминались фамилии Чуфарова Н.С. – заведующая складом, Грачева – официантка, Крушинская – старшая мед. сестра (процедурная) и многие другие.

Вот и закончил я свое повествование о малоизвестном периоде “Миндарки”, о котором ничего не было в нашей печати написано. А назвал я статью так, потому что госпиталь на латыни значит – гостеприимный.

Е. Студенников

Категория:

[Краеведение](#) [1]

Source URL: <http://46.45.32.78:8080/news/velikoy-pobede-65-gostepriimnyy-gospital>

Ссылки

[1] <http://46.45.32.78:8080/mmc/kraevedenie>